

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я. ТЕБЯ. ЗАСТАВЛЮ

Ольга Вечная

Ольга Вечная
Я. Тебя. Заставлю
Серия «Порочная власть», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67379961

SelfPub; 2022

Аннотация

Я влюбился в нее. Провалился в водоворот чувств, желаний и ослепляющей похоти. Но у нее был парень, а у меня не хватило возможностей встать между ними. Сейчас все изменилось. Я сам изменился. И я хочу ее себе любым способом. Отобью. Куплю. Заставлю. Договорюсь с дьяволом, богом, собственной совестью.

Ради любви? Любви не осталось. Только принципы, азарт и все та же безумная похоть.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ольга Вечная
Я. Тебя. Заставлю

Всё вымышлено. Любые совпадения случайны.

Пролог

– Кирилл Платонович, вы посмотрели документы, которые я переслала вам вчера вечером? – спрашивает Оля, мой помощник. Она встречает меня в коридоре и порядком нервничает. На часах – половина девятого.

– Доброе утро, Оль. Вы прекрасно знаете, что у меня нет времени посмотреть всё, что я должен посмотреть, – отвечаю ей в своей обычной манере.

– Это срочно, – напоминает она. – Там есть о чём подумать.

– Даже не сомневаюсь, – парирую, борясь с желанием зевнуть.

В ответ Оля недоуменно моргает.

– Если бы я думал обо всём, о чём стоило бы, давно бы тронулся рассудком, – поясняю.

Оля снова моргает.

– Продублируйте, пожалуйста, – вздыхаю.

– Конечно, будет сделано, – кивает и сворачивает в сторону кабинета помощников, а я захожу к себе. Это распоряжение ей понятно. Такая молоденькая и такая серьёзная...

У меня просторный светлый кабинет на третьем этаже Арбитражного суда, из моего окна открывается прекрасный вид. Ставлю пластиковый стакан с кофе на стол и подхожу к

окну, смотрю на улицу. Это обычный утренний ритуал, даю глазам отдохнуть пару минут перед началом рабочего дня.

Сколько себя помню, я стремился находиться именно здесь. Статус, деньги, реализация врождённого чувства справедливости. Я самый молодой судья во всём городе, внутри меня только начали прорасти семена цинизма и безразличия к чужой беде. Все, кто окружают меня, способствуют их поливке и удобрению.

Путь сюда был долог, пару раз я чуть не сорвался с крючка. Однажды стоял перед зеркалом, представьте себе, голым. И прикидывал, как бы лучше направить свет, чтобы казаться эффектнее и внушительнее. Я так много работал в то время, что в какой-то момент впал в полное безграничное отчаяние, мне тупо захотелось денег и трахаться. И я решил стать порноактёром.

Из помощника судьи в порнуху. Вот как чуть было не мотнуло, да?

Не стоит оценивать человека по поступкам, которые он совершает в минуты уныния.

Я заполнил анкету, сделал фотографии и пошёл сдавать необходимые анализы. До кастинга, правда, не дошёл: в самый последний момент юстиция меня не отпустила. Ревнивая сучка Фемида вцепилась мёртвой хваткой. Восемь лет я верно служил ей в болезни и в здравии, и в тот самый момент, когда практически соскочил, на меня свалилось назначение. Экзамен на судью я сдал с первого раза, там не было

проблемы.

Потом я сидел у себя дома, как и обычно в полном одиночестве, вертел в руках билет в другой город и думал о том, какой реализации требуют мои душа и тело. В итоге ни о чём не жалею, если только немного. Не чаще трёх раз в день... Шучу. Ольга бы не оценила, правда. Иногда мне не хватает Дубовой – судьи, с которой работал в Москве, чьё чувство юмора держало на плаву всю нашу группу.

Денег теперь – море, найти с кем скоротать ночь – давно не проблема. Но мне снова всего этого мало. Захожу в кабинет, где проходят заседания, присаживаюсь. Всё стандартно, мысль летит вперёд, работа вовлекает в мир актов и законов.

Я равнодушно рассматриваю представителей обеих сторон, как вдруг мои глаза цепляются за девушку и слегка округляются. Не так, как у неё, конечно: там просто два озера, в которых плещется паника. Смотрит, как дышать, позабыла. Видимо, она-то меня узнала сразу, это я с утра долго раскачиваюсь. Юрист ответчика и по совместительству моя знакомая из прошлого. Не знал, что она снова работает по специальности.

Грёбанный же ты ад!

Ну, привет.

Улыбка медленно растягивает мои губы. Это происходит само собой, но я и не сопротивляюсь. Слегка склоняю голову набок, она закусывает нижнюю губу и смотрит на меня взглядом доверчивого котёнка. Вот только со мной это боль-

ше не сработает.

Чёрт, до чего же хорошенькая. Фиг знает, где пропадала последние три года, видимо, в каком-то салоне красоты.

Когда я увидел её впервые, подумал: такие соблазнительные женщины бывают? Пока я тут как каторжный сижу по уши в чужих проблемах, они топают по миру своими длинными стройными ножками, и у менее занятых мужиков есть время эти ножки раздвигать.

Когда она открыла рот и начала защищать своего клиента, я обалдел: она ещё и умная! Воу, этого с лихвой хватило, чтобы влюбиться.

И лишь потом до меня дошло, что гремучее сочетание ума и привлекательности не оставляет места другим качествам. Например, доброте.

Тем временем юрист истца заканчивает выступление, я перевожу взгляд на Ладку Жуйкову, подаюсь чуть вперёд и больше не улыбаюсь.

Она сглатывает и мешкает. Мне хочется прошептать: «Беги», но я этого не делаю. Зачем давать девушке подсказки?

Глава 1

Ладка

Встреча с судьёй Богдановым вымотала и опустошила меня. За двадцать минут заседания от дикого ужаса я успела вспотеть, а следом до костей продрогнуть под неумеренным кондиционером.

В подтверждение своих мыслей звонко чихаю в локоть.

– Будьте здоровы, Лада Алексеевна! – произносит мой разочарованный клиент.

– Благодарю вас, – отвечаю, поджав губы. Мы должны были выиграть сегодня. – Я займусь апелляцией, не волнуйтесь.

– Буду ждать вашего звонка.

Судьба решила посмеяться: мой последний перед длительным отпуском суд проходил именно с участием Богданова. Я возобновила карьеру в другом городе, и, кто бы мог подумать, он тут как тут!

Не знала, что он теперь тоже живёт в К., да ещё и добился столь головокружительных высот. Этот мужчина никогда не казался мне перспективным. Если бы не выразительные черты лица, я бы даже не узнала его. Когда мы пересекались в Москве, он был помощником судьи, а я – подающим надежды юристом. Потом много всего случилось: я временно оставила работу ради мужчины, переехала за ним в другой

город, начала готовиться к свадьбе.

Сегодня важный день – обручение. Родители Леонидаса религиозны, они любят красивые старинные обряды. Собрётся так много людей, что я даже не знаю, поместятся ли они все в банкетный зал! Волнуюсь нестерпимо, аж кожу покалывает. Моё платье стоит бешеных денег, а драгоценности, что подарил Лёня на годовщину, – и вовсе целое состояние. Сразу после заседания, которое меня размазало по стенке с лёгкой руки злопамятного мудака в мантии, я отправляюсь в салон красоты, чтобы привести себя в порядок.

В назначенное время вызываю такси. Внимательно оглядываю заднее сиденье и лишь потом забираюсь в машину. Вдруг там пятно, и я испорчу наряд?

В один из самых важных дней моей жизни выглядеть хочется безукоризненно. В день, когда я увижу, как мой любимый мужчина клянётся в верности другой женщине.

Зачем я еду? Снова и снова задаюсь этим вопросом. От матери мне достались правильные, почти кукольные, если не считать крупного рта, черты лица, от бабушки по отцу – отличная фигура.

– Есть красивые женщины, есть очень красивые. На них приятно смотреть, любоваться, им хочется подражать. У тебя, Лада, красота другая, – говорила мне преподавательница в приватном разговоре. – Роковая. За такими, как ты, уходят из семей.

Тогда её слова показались мне оскорбительными. Сейчас,

пока еду на праздник к Леонидасу и его будущей законной жене, я вновь прокручиваю их в голове. Мужчины готовы ради меня на многое, они спешат помочь мне, угодить. А ещё они мстят, получив отказ. Или категорически противятся разрыву.

– Я никогда не буду твоей любовницей, Леонидас! – кричала я в слезах ему два месяца назад. Сейчас мои глаза сухие, они безупречно накрашены, и я не собираюсь портить макияж. — Не будет этого! Если ты женишься на ней, считай, между нами всё кончено!

– Но люблю-то я тебя, Лада! — давил он в ответ. – Тебя, коза ты моя! Я жить без тебя не могу! – он упал мне в ноги, обнял колени, начал их целовать. Я плакала. Боже, как же я плакала!

– Но женишься на ней, – в истерике.

– Мои родители никогда не позволят нам быть вместе, сама знаешь.

Да, я знала. Несмотря на то, что мы встречались уже пять лет, он привёз меня из Москвы, жил со мной, вся его огромная благочестивая семейка делала вид, что меня не существует.

– Тогда отпусти меня, – взмолилась. – Просто оставь меня в покое!

– Они закроют глаза на тебя. Послушай... Между нами ничего не изменится, я куплю нам дом, как и обещал.

– Но жить в нём мне придется одной!

– Я буду приезжать, просто...

– Когда позволят законная жена и дети?

– Я её не люблю, она мне даже не нравится. Страшная, тупая, скучная.

– Тогда не порть девчонке жизнь. Она совсем юная, наивная. Пусть она достанется мужчине, который будет обожать её. Тебе не кажется, что она этого достойна?

– Она знает, на что идет. Так принято. Я женюсь на женщине из своего круга, кто-то должен заниматься родительским домом.

– Растить твоих детей.

– Но любить я буду только тебя.

– Пошел ты к чёрту, Леонидас, со всей своей священной греческой диаспорой!

– Я тебя не отпущу, Лада. Клянусь. Даже не пытайся бежать. Что тебе нужно? Любое желание! Деньги? Драгоценности? Сколько угодно! Всё что хочешь!

Возможно, я балованная. Такое предлагают, а я нос ворочу. Другая бы с радостью согласилась. Вероятно, я зря туда еду. Но мне нужно увидеть собственными глазами, посмотреть на своего неотразимого грека, который никогда на мне не женится.

Я сильная, я справлюсь. Моя бабушка была балериной, мне передались её фигура, гибкость и характер.

На мне изумительное, довольно откровенное платье – пусть захлебнутся слюной во главе с Олимпией, счастливой

невестой. За годы, что я провела с Леонидасом, я не была ни на одном их празднике и сейчас в глубине души радуюсь, потому что обожаю греческие вечеринки! Там всегда невообразимо много вкуснейшей еды! А это вино? Боже, оно изумительно! В студенчестве я частенько прилетала на юг вместе с Еленой, моей бывшей лучшей подругой, мы часто дегустировали.

Выхожу из машины, иду к ресторану. Обряд с обменом колец и клятвами начнётся через сорок минут, я специально приехала пораньше, чтобы успеть испортить всем настроение.

Леонидас и Олимпия встречаются у входа. При моем появлении их рты поражённо открываются. С широкой улыбкой поздравляю сначала своего грека, затем тепло обнимаю его невесту. На бедняжке лица нет. Хотя я несправедлива. Сегодня на ней лицо как раз-таки есть: нарисовали визажисты. Выкинуть бы это милое создание в реальную жизнь за пределами их сообщества, посмотреть, как будет учиться, работать. Как с парнями поладит.

Хорошо, когда родители договорились о браке с одним из самых завидных мужчин в мире.

– А вы... кто? – спрашивает она, хотя прекрасно знает, с кем спит её жених на протяжении последних пяти лет.

– Меня зовут Лада, я друг вашей семьи, – подмигиваю ей, девица при этом идёт пятнами. Беру её за руки, оглядываю с головы до ног: – Какая вы хорошенькая! От всей души по-

здравляю!

– Спасибо, – мямлит в ответ.

Едва я делаю несколько шагов по направлению к столу с напитками, Леонидас больно хватает меня за плечо, наклоняется и шипит на ухо:

– Что ты здесь делаешь?! Убирайся немедленно! Если со-
рвёшь мне помолвку, я тебя убью.

– Я же говорила, что не пропущу такое событие, – осво-
бождаюсь. Расправляю плечи и иду в зал. Мельком ловлю
своё отражение в зеркале: мои глаза лихорадочно блестят,
губы украшает улыбка победительницы. Беру бокал шампан-
ского и делаю большой глоток. Слава богу, напиток холод-
ный!

Да, кажется, я та ещё стерва. Киваю матери Леонидаса, та
округляет глаза и отворачивается.

Неужели быть скандалу? Смеюсь про себя, осушая бокал.
Вижу, как родители подходят к Леонидасу, начинают спо-
рить с ним. Если бы не репортеры, меня давно бы уже выве-
ли отсюда под белые руки.

Глава 2

Знали бы все эти люди вокруг, как внутри меня всё клочечет, как бахает и вопит от боли! Как я хочу дружить с ними, быть частью их семьи, быть рядом с мужчиной, которого любила все эти годы!

На самом деле я пришла попрощаться. На свадьбу уже не приеду, хватит с меня. И любовницей я никогда не стану. Ловить крохи с чужого стола, наткаться в соцсети на его фотографии с семьей, будучи... кем? Островком отдыха и любви, чтобы современный Одиссей заплывал, когда отыщется свободная минутка?

Возможно, я достойна большего.

Подмигиваю Олимпии и шлю воздушный поцелуй её жениху. Девушку ощутимо трясёт, бедняжка отворачивается и спешит в дамскую комнату.

Она победила, признаю. Не потому, что умная, красивая или даже богатая. Нет, просто родилась в нужной семье. Поэтому она в подвенечном платье, а меня все эти милые люди вокруг называют между собой шлюхой, хотя я много лет искренне любила Леонида, была ему верна, заботилась, мечтала родить от него ребеночка.

– Вам следует уйти немедленно, – подходит ко мне несостоявшийся свёкр. Высокий седовласый мужчина, занима-

ющий большую должность. Он очень красив, как и его сын. Широкоплечий, статный, с правильными чертами лица. Невольно представляю, каким будет Леонидас через двадцать пять лет.

– Добрый вечер! – салютую ему очередным бокалом.

– И уехать из города.

– Непременно, – улыбаюсь я. – Так и поступлю. Вот только допью свой напиток.

– Сколько? – цедит он мне.

– Простите? – приподнимаю брови.

– Сколько вы хотите? Вы ведь за этим пришли, Лада? Сколько стоит сделать так, чтобы вы оставили в покое мою семью?

Я вздыхаю с лёгкой улыбкой:

– Уважаемый Константин Андреасович, это я хотела попросить вас сделать так, чтобы ваш сын перестал меня, наконец, преследовать. Вы прекрасно знаете, как Леонидас ко мне относится. И то, что происходит сейчас, в том числе на вашей совести.

Закатываю глаза и ухожу в дамскую комнату: перед кульминацией вечера мне необходим тайм-аут. Бедная Олимпия как раз выходит в коридор и, увидев меня, ощутимо вздрагивает. Моя ты девочка, намучаешься же с Леней! Он тебя просто снесёт с ног. А ещё... ты ведь ему совершенно не нравишься, зачем тебе это нужно? Этот искусственный брак, это представление?

Но я ничего не говорю ей, всё равно не слушает и делает по-своему.

Мою руки, поправляю макияж уголком сложенной салфетки. Дверь в тамбур распахивается, но я увлечена своим отражением и своими нерадостными размышлениями. Слава богу, я получила образование, хотя Леня столько раз угрозовал бросить университет, ведь работать мне больше не понадобится.

Как хорошо, что я его не послушала! У меня есть профессия и даже кое-какой опыт работы. В университете я считалась одной из лучших. Я устраюсь в этой жизни сама, без мужчин.

Крупные ладони ложатся на мои бёдра, я вздрагиваю от неожиданности. Смотрю в зеркало и на мгновение расслабляюсь – это Леня. Но только лишь на мгновение! Потому что следом приходит понимание, что он больше не мой. Напрягаюсь всем телом, когда его губы прижимаются к моей шее в жадном нахальном поцелуе. Руки хаотично шарят по талии и бёдрам, оставляя синяки на коже, – так сильно он меня хватает. Внутри нарастает отвращение.

– Убери руки! Леонидас, остановись немедленно! Лёня! – повышаю я голос, называя его сокращённым именем, прекрасно зная, что он этого не выносит. Но он игнорирует.

– Я люблю тебя. Люблю тебя, сладкая коза, – шепчет.

– Тебя ждёт невеста!

– Пусть ждёт, у неё судьба такая. А я буду с тобой, только

с тобой, моя девочка, – он грубо разворачивает меня к себе и задирает платье. Я вновь прошу прекратить, но он не реагирует. Мне кажется, он пьян.

– Лёня! Я не хочу, Лёня! Я буду кричать!

– Кричи. Обожаю, когда ты кричишь. Обожаю тебя! Каждую твою клеточку, всю тебя. Езжай домой, подожди меня там. Я закончу тут и приеду.

Конечно, он бы хотел приехать ко мне. Жалобно всхлипываю. С Олимпией ему можно будет развлекаться только после свадьбы. Это ко мне можно просто приехать ночью.

Его ласки омерзительны и неправильны. Да, мне нет никакого дела до бедняжки Олимпии, но я не стану спать с её женихом накануне обручения!

Он не пускает меня, и я нащупываю дозатор мыла. Выдавливаю побольше на ладонь и прижимаю руку к его глазам.

Он вздрагивает и отшатывается.

– Что это? Что ты сделала?! – вслепую ищет кран, включает воду. – Коза! Дрянная коза! Моя коза! – рычит он, пока промывает глаза. Я быстро поправляю платье, причёску и пулей вылетаю из дамской комнаты в коридор, спешу в зал. Домой, срочно пора домой. Доигралась! Никакие клятвы я слушать больше не хочу, сыта по горло впечатлениями.

Навстречу мне идёт мужчина в строгом безупречном костюме, я бросаю на него беглый взгляд и от досады сжимаю зубы. Он-то что здесь делает? На грека Кирилл Богданов похож едва ли! Хотя... он теперь судья, а с судьями принято

дружить, умасливать их. А то мало ли что. Видимо, его пригласили.

– Добрый вечер, – говорит он равнодушно и безукоризненно вежливо. Точно таким же тоном, как и сегодня утром, когда прерывал моё выступление разбивающими в пух и прах аргументами и затем вынес решение в пользу моего оппонента.

– Добрый, – силюсь улыбнуться я, хотя саму всё ещё потряхивает от только что пережитого. Мои щеки горят, причёска подпорчена, как и макияж. Я всё же плачу! Боже, мои идеальные стрелки, простите меня! По пути я продолжаю поправлять платье.

Дверь позади хлопает, я вижу, как брови Богданова летят вверх, он смотрит на Леонидаса, переводит глаза на меня, снова на Леонидаса. На лице читается неприязнь. Он бросает брезгливый взгляд в мою сторону, затем безэмоционально кивает хозяину вечеринки и проходит мимо.

Мой пульс опасно частит. И пусть мне обычно нет дела до того, что обо мне подумают, сейчас я чувствую боль. Богданов решил, что я... О нет, что я переспала с чужим женихом за пятнадцать минут до его обручения. Поражённо прижимаю пальцы ко рту.

Мне хочется бежать за Кириллом, догнать его и всё объяснить.

Это неправда! Я бы никогда! Да, я неидеальная, иногда импульсивная, моментами заносчивая, но... я же не дрянь.

Боже, мамочка, зачем я поехала сюда сегодня?! Я лишняя на этом празднике, за всё время не поймала ни одного доброго или поддерживающего взгляда. Все меня презирают. А ещё... я поставила под удар профессию. Судья, с которым мне предстоит работать, и раньше был весьма невысокого мнения о моей персоне. Что же меня ждёт теперь?

Глава 3

Ладка

Влюблённые женщины нередко глупы в своей доверчивости любимому человеку. А я среди них – рекордсменка во всех номинациях: мечтательная, верная фантазёрка. Мало того, что переехала из Москвы сама, так ещё и перевезла сюда своих родителей и бабушку-балерину. Они всегда мечтали жить на юге, вернее – на морском побережье.

– Я куплю домик твоим родителям в Сочи, – неоднократно обещал Леонидас. – Как только отец доверит мне больше прав в бизнесе, мы сможем купить что угодно! Наши дети будут отдыхать на море у бабушки и дедушки. Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

Его сложно винить, он и правда так думал. Долго бился за меня со своей роднёй, спорил, ругался. Да и я никогда не хотела стать причиной их размолвки. Я была очень наивной, думала, что смогу им понравиться. Что пройдут годы, они поймут, какая я хорошая, и полюбят меня. Сделают исключение. Эй, ну что смеяться! Разве в двадцать первом веке устраивают договорные браки?! Такое всё ещё бывает?

Час назад я призналась родителям, что мы с Лео расстались. Что он женится на другой. Но я обязательно сама заработаю им на домик мечты. Или хотя бы на две недели в

санатории на побережье. У нас не бедная семья, обычная. Справимся.

Родные поддержали меня в желании разорвать отношения, давно ставшие болезненными и какими-то неправильными. Последние годы наш роман не развивался, мы топтались на месте, ждали. Чего только? Видимо, Олимпию.

У моих родителей есть гордость, они никогда не простят Леонидасу обручение с другой. И если он не хочет идти против семьи, я тоже не собираюсь унижать своих ролью, которую он отвёл мне. Но на душе по-прежнему тяжело, я маюсь, не нахожу себе места. А ещё чувствую себя будто выпачкавшейся, словно это я влезла в чужие отношения и шантажом женила на себе мужчину. В глубине души очень жалею, что присутствовала на обручении. Не могу забыть неприязнь в глазах Богданова, да и не только его. Практически всех гостей вечеринки.

– Заплетёшь мне косу? – заглядываю в комнату к бабушке. Она отрывается от вязания, ставит на паузу сериал на ноутбуке и поворачивается ко мне.

– Конечно, Ладушка. Бери подушку и садись, – кивает себе в ноги. Родители много работали, и в школу мне всегда помогала собираться именно она. Бабуля умеет плести быстро и аккуратно, вот только так сильно стягивает прядки, что вечером, когда я распускаю их, мне кажется, что расслабляется всё тело. Но я с детства привыкшая. Возможно, именно поэтому мне очень нравится, когда меня тянут за волосы.

Я хватаю подушку и плюхаюсь на пол, протягиваю расчёску и резинку.

– Резинка пока не нужна, поддержи её, – бурчит бабушка. В последнее время у неё частенько плохое настроение. Мне горько видеть её такой, но на все вопросы она отвечает, что чувствует себя хорошо. Просто не в духе. – Что-то случилось?

Её заботливый тон оголяет нервы. Я будто снова там, в этом огромном банкетном зале, со следами пахучего розового мыла на ладони. Тихонько начинаю плакать. Молчу.

– Пальцы плохо слушаются, будет неидеально, – сетует бабуля, больше не задавая вопросов. Кивком даю понять, что согласна хоть как. Я не ношу косички с седьмого класса, но в минуты грусти всегда прошу её заплести мне волосы. Почему-то в нашей семье не принято обниматься, а тактильной близости хочется. Вот мы и придумали такие странные способы.

– Мы расстались с Лёней, – говорю я.

– Он мне никогда не нравился, – отвечает она не мешкая, и из моего рта вырывается смешок. – Что это за дружилки такие, длиной в пять лет?

– Полный отстой, согласна. Пора их заканчивать. Если он позволит, конечно.

– А ты не сдавайся. Что значит позволит ли он? Что это за любовь такая, когда нужно во всём подстроиться, а в ответ ничего?

– Деньги, – вздыхаю я. – Он предлагает много денег.

– Деньги и другой мужик заработает, не только этот грек умеет. Кстати, ты не рассказала, сколько лет твоему боссу с новой работы. Он женат?

– Бабушка! – смеюсь я, вытирая глаза. С этой старушкой можно поговорить и о делах сердечных, и даже о сексе. Будь она моей ровесницей, на её аккаунт в социальной сети подписались бы сотни тысяч людей, не сомневаюсь в этом. Кроме того, её поперечный шпагат до сих пор идеален.

– А что? Дело молодое. Жизнь на Леонидасе не закончилась, детка. Какая ты у меня красивая, ладная вся.

– Ладная Ладка, – улыбаюсь.

– Что попало получилось! – её голос снова становится низким, раздражённым. Бабушка грубовато распускает мои волосы, расчёсывает их и начинает плести заново, стягивая пряди так, что, по ощущениям, мои глаза становятся больше. – Потерпи немного, сейчас хорошо сделаю... Так что там с боссом?

– Мне никто не нужен, не хочу. Никаких мужчин.

– Будь осторожна. Одиночество – сильнейший наркотик, к нему легко и быстро привыкаешь. Я бы сказала, даже слишком легко.

Что ж, возможно, одиночество – это и правда наркотик, но с первого дня привыкания не наступает. Со второго и третьего, впрочем, тоже. Какой-то он слабенький. Возможно, име-

ет накопительный эффект?

Неделя за неделей мне приходится заставлять себя им наслаждаться, осторожно пробовать на вкус, прислушиваясь к ощущениям, отчаянно желая однажды всё же пристраститься.

Я постоянно ищу плюсы своего нового положения, подумываю даже записывать их в блокнот.

Больше не нужно тянуться к телефону каждые пятнадцать минут, проверяя, не написал ли он что-нибудь. Не нужно готовить яичницу по утрам из шести яиц, мне вполне хватает одного или двух. А ещё я могу варить овсянку, которую обожаю и которую категорически не признавал Леня. Хоть каждый день её вари теперь. Вкусно.

Я вздыхаю, делая массаж лица перед зеркалом. Иногда мне кажется, что это дурной сон. Я проснусь среди ночи, а мой черноволосый Аполлон сопит рядом, прижмусь к нему и счастливо вздохну.

Он ведь тоже ночует один. Наверное, так же лежит часами, глядит в потолок и думает обо мне. Иногда я беру в руки телефон, но каждый раз смотрю время и откладываю мобильный в сторону. «Не сегодня», – говорю я себе. Если однажды я и стану бесхребетной медузой, то не сегодня!

Очередное утро начинается как обычно. Я вновь просыпаюсь разбитой и невыспавшейся. Одинокой. Благо в суматохе совершенно нет времени скучать и накручивать себя, потому

что нужно спешить на работу. Уже два месяца мне есть чем заняться, где реализовать потенциал. С каждым днём будет легче. Я обязательно привыкну.

В офисе первым делом отвечаю на срочные письма, после чего предупреждаю босса, что на планёрке сегодня присутствовать не получится, потому что с утра у меня суд, к которому я усиленно готовилась.

Очень боюсь опоздать, поэтому приезжаю на сорок минут раньше. По пути покупаю кофе в пластиковом стаканчике и замираю с ним около многоэтажного здания Арбитражного суда. Мощного, внушительного. Мне немного не по себе, я чувствую страх, которого раньше не было. В Москве я чуть ли не бегом бежала на заседания, не боялась ничего и никого.

Триколор гордо развевается на крыше строения, я почему-то долго слежу за движением ткани, которой играет ветер, и не замечаю, как ко мне приближаются.

– Привет, Лада, – слышу знакомый голос и оборачиваюсь. Леонидас собственной персоной. На нём белоснежная рубашка и чёрные брюки. Выглядит он неважно – уставшим и замученным. Мне хочется провести рукой по его лицу.

– Привет! Что ты здесь делаешь? – удивляюсь. Бросаю вопросительный взгляд на здание.

– А, нет, ни с кем не сужусь, боже упаси. Тебя искал. Был в твоём офисе, мне сказали, что ты с утра здесь.

– Тебе не следовало приезжать, – я начинаю оглядываться. – Нехорошо. Ты помолвлен, мы не должны видеться.

Мне хочется добавить: «Тем более на людях», но я этого не делаю, чтобы не подать ненароком идею.

– Днем я уезжаю в Анапу на три дня, хотел тебя увидеть перед отъездом.

– По работе? – спрашиваю.

– Да. Слушай... Не хочешь со мной? – и быстро добавляет, увидев шок и раздражение в моих глазах: – Ты не подумай, я без намёка. Несколько часов, проведённых в машине по дороге вдоль моря, нам пойдут только на пользу. Если не хочешь, то ничего не будет. Просто покатаемся. У меня куча дел на стройке, ты в это время погуляешь по пляжу, в мае народу мало. Ты ведь любишь пустынные пляжи, я помню.

– Леонидас, я работаю, – бросаю взгляд на часы, потом на здание. – Через тридцать минут у меня суд.

– Ты всегда раньше ездила со мной, – упрямо настаивает он.

– Больше я не могу себе позволить жить столь легко и беззаботно.

– Пожалуйста, – он сводит брови вместе, – мне одиноко. Я поговорил с твоим начальником, он сказал, что после суда ты свободна.

Моё сердце снова колотится, в мыслях полный сумбур. Я слышу свой собственный голос:

– Потерпи немного, скоро у тебя появится законная жена. Будешь путешествовать с ней. И больше никогда, Лёня, никогда не приезжай ко мне в офис и не говори обо мне с моим

руководителем!

Он злится, достает сигарету, шарит по карманам в поисках зажигалки. Я снова бросаю взгляд на массивное крыльцо с огромным количеством ступенек, переминаюсь с ноги на ногу. Пора идти. Он женится на другой, но обставляет всё так, будто это я бросаю его и разрушаю наши отношения.

Машинально стреляю глазами на парковку и вижу, как с её стороны к нам быстрым шагом приближается Кирилл Богданов.

– Потрясающе! – досажую я. – Только этого мне не хватало!

– Что случилось? – спрашивает Леонидас, оглядываясь. Я поворачиваюсь к судье спиной, делая вид, что не заметила его. Он говорит по телефону и, возможно, не обратит на нас никакого внимания.

– Судья, который рассматривает мои дела.

– А, – Леонидас пару секунд изучает Богданова, хмурится. – Я его знаю. – Добавляет громко: – Кирилл Платонович! Доброе утро! – и спешит наперерез Кириллу.

– Эй, что ты делаешь! Не надо! – шиплю я вслед, но поздно. Богданов договаривает по телефону и бросает взгляд на Леонидаса, потом на меня, где его глаза привычно задерживаются чуть дольше, чем следовало бы. На лице отражается лёгкая степень неприязни. Я чувствую, как мои щёки заливают краска.

Глава 4

У меня есть целых два часа, чтобы обдумать ситуацию. Всё это время я сижу в коридорчике у кабинета, в котором проходят заседания, и периодически перебрасываюсь сообщениями с клиентом. Мой кофе давно закончился, но я постоянно забываю об этом и раз за разом подношу пустой стаканчик к губам, пытаюсь сделать глоток. Уйти никуда не могу, так как суд может начаться в любой момент.

«Лада Алексеевна, не томите!» – приходит сообщение от клиента.

«Всё еще ждём», – пишу я в ответ. Богданов опаздывает на целых два часа! Это уму непостижимо! Я чувствую злость и полное бессилие. Он может легко промариновать меня и остальных юристов до самого вечера.

Не знаю, о чём Леонидас говорил с Кириллом в течение пары минут, но они периодически бросали на меня серьёзные взгляды. А когда я направилась в их сторону, Кирилл вручил собеседнику свою зажигалку и под предлогом, что очень спешит, покинул нашу милую компанию.

– О чём вы говорили? – спросила я у Лёни.

– Да так, – задумчиво ответил тот, поглаживая подбородок и провожая глазами Богданова. – Не важно.

Во время ожидания не получается расслабиться и потор-

чать, например, в социальных сетях. Моя спина идеально прямая, колени стиснуты, а пальцы напряжены. Ежесекундная боевая готовность. Я думаю о том, как сильно Богданов изменился за эти годы. Не то чтобы я его хорошо знала раньше – мы виделись-то только в здании суда, – но он никогда не казался мне равнодушным. Но и сильным тоже не казался. Заурядным зубрилой – да, но никак не влиятельным человеком, знающим себе цену. У него даже походка изменилась. И сшитый на заказ костюм сидит на фигуре идеально. Может ли назначение полностью поменять человека?

Не хочу показаться поверхностной и зацикленной на внешности, но если бы в то время он выглядел так же, как сейчас, я бы не стала ему настолько откровенно строить глазки. Я бы расценивала его серьёзно. И я бы никогда не поступила с ним так, как поступила.

– Прошу встать! – объявляет секретарь, и мы с юристом оппонента поднимаемся, встречая соизволившего всё же появиться Богданова. Тот проходит мимо быстрым шагом и занимает своё кресло. Я пялюсь на кусочек его галстука и белоснежный ворот рубашки, выглядывающие из-под чёрной ткани. Мне та-ак непривычно видеть его в черной мантии! Он молод, но зелёным не смотрится. Напротив, я бы дала ему лет тридцать шесть.

Председательствующий объявляет:

– Здравствуйте, присаживайтесь, пожалуйста.

И я плюхаюсь на свой стул, потому что мои колени снова начинают дрожать. Мне нужна эта работа. Я просто обязана переломить ситуацию в свою пользу!

Заседание проходит по стандартному сценарию: сначала выступает юрист истца, потом я.

– Представитель ответчика, – обращается ко мне Богданов. Смотрит прямо, немного хмурится. От его строгого низкого голоса у меня во рту пересыхает. Триггерит, триггерит! Я снова вижу перед глазами того тощего помощника, которого однажды грубо высмеяла при всех. Моргаю, прогоняя видение. – Поясните по существу заявленного ходатайства, – говорит он мне. Пауза затягивается, он повторяет прерывисто: – Чуть быстрее. Если можно. Пожалуйста.

Он явно очень торопится. Ещё бы! Нужно нагнать почти половину рабочего дня! Поднимаюсь и начинаю объяснять. Всё чётко и по сути: я готовилась, но он прерывает на полуслове:

– Процессуальный документ я уже читал, можете ли вы добавить что-то новое? – и выжидательно смотрит на меня. Он помнит, я знаю. Он всё прекрасно помнит и ненавидит меня за те слова. Клянусь, его глаза в этот момент темнеют. Там будто черти затаились, притихли в яркой зелени и тоже смотрят, выжидают. Сглатываю.

– У меня нет сомнений в том, что суд ознакомился с ходатайством, однако предполагаю: сегодняшнее дело далеко не единственное, которое рассматривает суд. В связи с этим я

решила освежить существенные аспекты, – произношу речь официально, но при этом смотрю ему в глаза. Пристально смотрю. Хочется прижать руку к груди, так сильно колотится сердце. Я хочу пробудить того хорошего парня, который звал меня на свидание. Хочу, чтобы он простил меня.

– Ваши предположения впредь оставляйте при себе. Суд на память пока не жаловался, – цедит сухо.

Суду стоит пожаловаться на отсутствие воспитания.

– Тогда я полностью поддерживаю позицию, изложенную письменно, – присаживаюсь.

В этот момент с места подскакивает юрист истца:

– А у меня дополнения есть! – и начинает тараторить.

Суть дела это не меняет, но плохо то, что последнее слово за оппонентом. А я вроде как... сдалась раньше времени. У меня глаза болят от того, как круто я их закатываю, но мои старания остаются без внимания.

Богданов выслушивает комментарии, на это у него есть и время, и терпение. После чего назначает новую дату слушания, что тоже плохо, так как промедление будет стоить моему клиенту денег. Всё должно было решиться сегодня.

У меня действительно серьёзный конфликт с судьёй, и вот оно первое испытание самостоятельной жизни – разобраться с ним как можно скорее.

Честно говоря, я просто в бешенстве. Выхожу в коридор и довольно резко прощаюсь с вражеским юристом, хоть он лично мне ничего плохого не сделал. Я должна научить-

ся держать эмоции при себе. А Леонидас в данный момент мчится по идеальной трассе вдоль бирюзового моря на встречу солнечной Анапе, солёному воздуху, цветным коктейлям в прибрежных барах и белоснежным простыням в отеле. Я могла бы сидеть рядом с ним, есть купленный на заправке маффин с изюмом или черникой и ни о чём не беспокоиться.

Не сегодня. Если однажды я и стану безвольной слабачкой, то не сегодня. Мы ещё поборемся. Не верю, что ситуация безнадежная.

Во сколько там заканчивается рабочий день у судьи Богданова?

Глава 5

Кирилл

Моё собственное тело пыталось меня убить. И ладно, будь это печень, её месть хотя бы была объяснима: в студенчестве я не особенно с ней церемонился. Но печень моя в идеале, чего не скажешь о... яйцах. Такой вот фильм ужасов, правда, это был не фильм.

Осознать диагноз было сложно, смириться – ещё того хуже. Никогда раньше не задумывался на данную тему, а потом пришлось услышать от врача, что рак яичек – один из самых молодых. Средний возраст заболевших – сорок лет, но случаи встречаются и у пятнадцатилетних пацанов. Хорошие новости: при ранней диагностике и благодаря вовремя проведённому лечению процент выздоровления близится к девяносто пяти.

Можно сказать, мне повезло: всё только началось, ещё даже симптомов не было. Повезло... Ненавижу это слово. Многие в больнице повторяли его с ободряющей улыбкой, я научился не реагировать.

Я ж не просто так попёрся на диагностику. Когда тебе двадцать пять, ты здоров, полон сил и энергии, эрекция по первому щелчку и ничего не беспокоит – к урологу просто так не записываешься. Моему отцу диагностировали третью, по-

следнюю стадию.

Молния не бьёт в одно дерево дважды? Увы.

Он настоял на том, чтобы я тоже проверился. И потребовал поклясться ему, что буду проходить эту грёбаную диагностику каждые пять лет. Я долго отказывался категорически, но он буквально заставил меня, и я послушался из уважения к его тяжелому состоянию. Но выстрелило сразу же.

Это был шок. Я даже посмеялся, обвинив врача в разводе на деньги. Вот так совпадение – кто к ним ни придёт, у всех рак! Пригрозил судом. Пошёл в другую клинику, проверился и там тоже. Потом вернулся с повинной.

Сначала не хотел сообщать отцу, но скрыть было проблематично. Он нуждался в помощи, и как объяснить, что мне самому понадобилась срочная операция?

К своему состоянию я относился спокойно, с присущим мне чёрным юмором. Цель стояла следующая: не откинуться раньше родителя, чтобы не бросить его одного. После унижительной операции мне провели три курса химиотерапии, но я лишь однажды брал больничный, потому что уж слишком тяжело пришлось. Упал гемоглобин до пятидесяти, никак не могли поднять, положили под капельницы. Больше недели отвалился в клинике.

Мы лечились у одного врача, для меня всё закончилось благополучно. Ну как благополучно – в двадцать шесть я остался один. Без родителей, девушки, которая меня бросила. Нет, она хорошая, прошла со мной самое сложное, потом

я сам отпустил её. Видел, что разлюбила. Беспочинится о гетике. К чему эти мучения? У меня не хватало ресурса заботиться о ком-либо в то время, даже о себе самом, что уж говорить о других.

Но у меня осталась работа, где мне всегда радовались, – едва ли не круглосуточно. Два года я не брал отпуск. Не хотелось. Что мне было делать дома? Я даже едва не пропустил сроки вступления в наследство, которое оставил отец. Не люблю говорить о себе прежнем, мне не нравится тот мужик. Он был словно... не я. Я-то другой. Вуз, армия, работа в суде с хорошими перспективами.

Потом я неудачно влюбился. Неудачно – значит не взаимно. Я не из тех поэтических идиотов, которые благодарны дамам за эмоции, слушают грустную музыку и часами пялятся на фоточки. Отнюдь.

Это был странный день. Я решил, что у меня снова упал гемоглобин. В зал заседаний зашла девушка, а мне показалось, что вокруг неё аура светится. Даже моргнул, чтобы прогнать мираж. Аура исчезла, а сама девушка – нет. Она улыбнулась мне и кокетливо закусила губу. Такая пошлятина, что я, живущий на диете под названием «адский круглосуточный труд», повёлся мгновенно. Следующие месяцы она появлялась в суде от трёх раз в неделю, а я почти перестал спать.

Но случившееся пошло мне на пользу. Лада заставила меня посмотреть на себя со стороны и заняться, наконец, своей

внешностью. В людях ценится не только ум: встречают-то по одежке. Да и трахаться хочется с красивым телом.

При воспоминаниях о том времени мне всегда становится смешно! Чёрт, через полтора года меня даже в порно почти взяли! Настолько основательно я над собой поработал. К слову, силиконовый имплант смотрится стильно, не отличить от натурального, тестикулы мои визуально в идеале. Хотя в голове я всегда держу, что рак может вернуться, поэтому сильно на смерть от старости в окружении толпы правнуков губу не раскатываю.

И никак не реагирую на угрозы и попытки всучить мне взятку. Шантажировать меня нечем, терять мне, в общем-то, тоже нечего. Я всегда был падок на дерзких шикарных женщин. Фемида мне подходит полностью, да простит меня Зевс. Все остальные – земные – так, любовницы, пока богиня не видит.

– Нам с вами нужно поговорить, – слышу знакомый голос за спиной. Я уже успел открыть дверь своего мерса, собирался сесть в салон, врубить музыку «Neffex» и постараться ни о чём не думать.

– Следите за мной, Лада Алексеевна? – оборачиваюсь и окидываю девушку внимательным взглядом. Одежда другая, значит, заезжала домой, подготовилась. Соблазнительное платье из чёрной ткани, вырез на грани пошлости. Шпильки. Да и вся она такая... на грани. Поговорить пришла, ага.

Схватить бы за волосы, накрутить их на кулак, притянуть к себе и сообщить о том, что со мной не следует играть. Можно доиграться. Время позднее, половина девятого. На парковке, кроме нас, никого. Но эти камеры...

Ей некомфортно, её страх покалывает мне кожу.

– Вы очень много работаете, Кирилл Платонович. Поймать вас крайне проблематично.

Да, неделя выдалась и правда хлопотной. Обычно в день рассматриваем один-два сложных дела плюс пять-семь относительно простых, сегодня же сложных оказалось четыре. Всё утро просидел, вникая. У меня нет отмен, и так должно оставаться по крайней мере ближайшие два года. Многие считают, что я занимаю не своё место, и рисковать нельзя.

– Вы по делу «Молокозавода»? – приподнимаю одну бровь. – У вас сегодня было время выступить, вы им не воспользовались.

– Нет, я по другому вопросу, – она делает шумный вдох-выдох, смотрит в глаза. – По личному, – выпаливает, решившись. Голос звучит излишне твёрдо, и я не могу удержаться от насмешливой улыбки. Не верю.

Киваю, приглашая в машину, и сажусь в салон сам.

– Я никуда с вами не поеду! Я хотела просто поговорить, – но шаг в мою сторону, впрочем, делает.

– Я не буду ничего обсуждать на парковке. Сомнительное мероприятие, вы так не считаете?

Она мешкает, оглядывается, потом всё же обходит маши-

ну, дефилируя с прямой спиной, и садится на переднее сиденье.

Вот и умничка. Умеет же быть послушной девочкой.

Скрещивает руки на груди, напрягается. Я нажимаю на кнопку «Двигатель старт» и плавно давлую на педаль газа.

– Куда мы едем? – спрашивает она через несколько минут.

– Ко мне домой, – отвечаю флегматично, будто это само собой разумеющееся.

– Я не поеду. Боже, остановите машину, вы меня не так поняли! – начинает она суетиться.

Я резко выжимаю тормоз, поворачиваю голову и смотрю на неё.

– Вперёд, – киваю на дверь.

– Просто поговорить, – она таращится на меня во все глаза, в них так много сомнений и метаний, что сама девушка кажется будто... уязвимой, незащищённой. Я невольно облизываю губы. – Просто разговор. Я не... не такая, как вы, должно быть, обо мне думаете.

Я молчу, рассматривая девушку. Этого времени ей хватает, чтобы отдышаться и взять себя в руки. Лада продолжает:

– Я вам не секс предлагаю. Уж точно не ради «Молокозавода»! – улыбается, и я усмехаюсь в ответ.

– Кто ж знает, насколько внимательно вы относитесь к своим клиентам, – не удерживаюсь от шутки. Ей смешно. Она шумно выдыхает, значительно расслабившись.

– А вы бы согласились? На такую взятку? – приподнимает

брови, кокетничая, проверяя, как много я позволю ей. Голубые глаза загораются азартом. Вовсе не потому, что она нашла выход из ситуации, – ей просто льстит моё внимание. Может, проучить её, хотя бы раз в жизни?

Дело там, кстати, на пару миллионов. Вот только она лично вряд ли много выгадает даже в случае победы.

– Вы предложение сначала сформулируйте без всяких «я не такая, но если надо, то возможно». Я рассмотрю, что в него входит, и отвечу.

– Письменно? – сладким голоском.

– Устной формы и презентации будет достаточно.

Глава 6

Ладка

– Вы ужинали? – спрашиваю. Вряд ли Богданов таскает на работу еду в пластиковом контейнере. Скоро девять, он значительно задержался в суде. Я бы считала себя отомщённой за утреннее ожидание, если бы не провела это время на лавочке напротив арбитража.

А Леонидас тем временем, наверное, закончил дела и пошел расслабляться в сауне своего пятизвездочного отеля.

Через пятнадцать минут мы паркуемся у ресторана. Богданов пропускает меня вперед скорее по привычке, чем из желания произвести впечатление галантного мужчины. Мы быстро изучаем меню, после чего делаем свои заказы.

– Вино? – спрашивает официант. Я вопросительно смотрю на Кирилла, он отвечает:

– Девушке бокал белого сухого. На ваш вкус.

– Полбокала, – уточняю я с вежливой улыбкой. После ухода официанта изучаю обстановку зала, делаю вид, что увлечена салатом, который принесли почти сразу, позволяя себя как следует рассмотреть. В итоге замечаю, что всё это время Кирилл что-то напряжённо читает в телефоне, полностью меня игнорируя.

Не может быть! Я начинаю поглядывать в его сторону.

Создаётся впечатление, что он просто забыл о моём присутствии. Долго сверлю его глазами, он всё ещё увлечён перепиской.

– Кирилл Платонович? – окликаю тихо.

– Минуту, – поднимает палец вверх. Пишет сообщение, затем откладывает сотовый в сторону и смотрит на меня. – Извините, дела. Я вас слушаю, Лада Алексеевна. Вы сформулировали ваше предложение?

От его прямоты мне становится не по себе. Это не флирт. Далеко не флирт, хотя несколькими минутами ранее, в машине, на секунду мне показалось, что он заигрывает со мной. Мы словно и правда договариваемся о сделке, только на кону я сама.

Если бы его глаза опустились на уровень моего декольте, клянусь, мне было бы легче. Он бы стал мне понятен, и я бы выбрала стратегию дальнейшего общения. Некоторые мужчины предпочитают исключительно деловой тон, без намёка на разницу полов, другие – завуалированно флиртуют и даже домогаются во время решения рабочих моментов. И с первыми, и со вторыми приходится уметь ладить. Деловой мир даже в двадцать первом веке жестоко проверяет женщин на прочность.

Богданов всё ещё ждёт ответа.

Одно я знаю точно: он мне не нравится. С ним не получится расслабиться, пошутить, а потом спокойно разойтись до следующей встречи. Все его фразы выверены, время рас-

писано по минутам.

– Если честно, я бы хотела перед вами извиниться, – говорю я, решив надавить на жалость. Мужчины любят, когда женщина чувствует себя виноватой, обязанной. Это льстит их самолюбию.

– За что? – он не понимает. Или делает такой вид, что вероятнее.

– За тот случай три года назад. Вы, наверное, не узнали меня, – прикидываюсь дурочкой. – Но, честное слово, всё это время я переживала, что так некрасиво поступила. При всех оскорбила вас совершенно незаслуженно, – я впииваюсь глазами в его лицо, жадно ловя любой оттенок мимики. – Меня до сих пор гнетёт тот поступок. Получилось случайно, я не хотела. Было плохое настроение с утра. Я искренне раскаиваюсь.

Он легонько пожимает плечами, будто я его удивила.

– Извинения приняты. И это даже мило, что столько времени вы так сильно из-за меня мучились, – его голос ровен, но сам набор слов сочится сарказмом. – Не стоило. Моя профессия такова, что я нравлюсь далеко не всем. И мне совершенно безразлично, что обо мне думают. Ваши трёхлетние страдания были напрасны.

– Спасибо, – говорю я.

– Пожалуйста, – оставляет он последнее слово за собой.

Нам приносят горячие блюда, и некоторое время мы молча едим. Я бросаю на него беглые взгляды. Богданов ест

быстро, но аккуратно. Заметно, что он адски голоден, при этом манеры его безукоризненны. Я невольно задерживаюсь глазами на его руках: у него крупные ладони, ровные пальцы с ухоженной ногтевой пластиной. Тыльная сторона ладоней на треть покрыта темными волосками. На левом запястье дорогие часы.

Я думаю о том, что тогда, в прошлом, его руки выглядели иначе. Я помню тонкие дистрофические пальцы с крупными костяшками. Впервые в моей голове проносится мысль: «А не был ли он болен в то время?» Мы с коллегой и по совместительству моей близкой подругой называли его гоблином. Гоблин Дубовой – невольно всплывает в голове фамилия судьи и прозвище, которое мы дали её помощнику.

«Гоблин Дубовой так написал решение, что юрист противной стороны скорее проломит бетон лбом, чем добьётся апелляции!» – хвасталась я своей Маше, с которой мы одновременно закончили учебу и были приняты в фирму.

Тупой прыщавый гоблин – именно так я назвала его в шутовском диалоге с той же подругой. За секунду до этого судья зашла в зал суда и все замолчали, поэтому мои слова прозвучали громко, их услышали все. И Дубова, и сам гоблин тоже. В зале было человек пятнадцать. Все поняли, о ком речь. Все посмотрели на него.

На мои глаза наворачиваются слёзы, и я быстро моргаю, прогоняя их. Допиваю своё вино и прошу официанта принести ещё.

– Я правда не хотела. Если бы я знала, что так получится, я бы лучше язык себе отрезала, – выпаливаю в полной тишине.

Богданов на секунду замирает с вилкой, поднесённой ко рту. Хмурится, не сразу понимая, о чём речь. Кажется, мыслями он был далеко. Проглатывает то, что жевал, и вытирает губы салфеткой. У него довольно крупный рот, и вообще, если уж рассматривать придирчиво, очень интересная, нестандартная внешность. Не могу сказать, что он красив. Напротив. Вот Леонидас – он очень красив, любая бы, листовая ленту в соцсети, задержалась на его фотографии.

А Кирилл... нет, но он и не страшен... теперь. Скорее, необычен. Наверное, его можно было бы даже полюбить, будь в его глазах хоть капля теплоты.

– Да прекратите вы уже, Лада Алексеевна. Вы решили этим вечером каждые две минуты напоминать мне о том, что в Москве меня звали тупым гоблином?

– Нет, я просто... Фух. Да, давайте закроем эту тему. А вас так звали? – Меня пробивает ужас от мысли, что прозвище могло к нему прилепиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.